

стично с мотивами фольклора. Остановимся на этом материале несколько подробнее.

Подложные грамоты в жанровом и стилистическом отношениях стоят ближе к Поэтической повести об Азове, чем другие литературные произведения XVII в., построенные на основе канцелярских форм. Они интересны для нас как показатель того направления, в каком развивалось литературное творчество канцеляристов-мастеров дипломатической переписки, когда оно освобождалось от конкретных деловых задач, сдерживавших их при составлении подлинных грамот и отписок.

По вполне основательному мнению А. Попова, эти подложные грамоты отражают события войны союзных стран — России, Польши и Австрии против Турции. „Во время этой войны, следовательно в 70-х или 80-х гг. XVII в., скорее всего могло притти на мысль русскому книжнику сочинить переписку с султаном от лица главных участников в борьбе с ним“.¹ В первых трех грамотах их составитель совершает своего рода исторический экскурс и воспроизводит переписку между Иваном Грозным и турецким султаном. Остальные шесть грамот „составляют как бы часть одного целого“ и „приписаны главным участникам в турецкой войне: императору Леопольду, польскому королю... и чигиринским казакам, мужественно противустоявшим туркам в походы 1677—1678 гг. Таким образом, в этой переписке единственными представителями Руси остаются чигиринские казаки, от московского же правительства того времени грамот нет. Чигиринская грамота, впрочем, может служить их заменой: она написана энергичнее и польских ответов султану и австрийских“.²

Наблюдения А. Попова, говорящие о том, что во всей этой дипломатической переписке роль единственного представителя России казаки берут на себя, позволяют нам думать, что эти грамоты были написаны людьми, стоявшими близко к казачеству, скорее всего сотрудниками казачьих канцелярий. Эта мысль подтверждается наличием в составе подложных грамот варианта известного „письма“ запорожцев турецкому султану и, кроме того, теми особенностями их содержания и стиля, которыми, как увидим, данные образцы канцелярско-литературного творчества в ряде случаев напоминают Поэтическую повесть об Азове.

Первая грамота представляет собою велеречивое „послание“ от Ивана Грозного к турецкому султану, в котором русский царь выражает свое намерение „двинутися на твою (султана. — А. Р.) неверную державу, потому что не могах терпети злоскареднаго вашего дьявольства“ (450).

Послание полно иронии: царь посылает султану „конечный мир — обоюдный мечь“ и говорит: „гнев велю утолить, и мечу не велю удержатися, дондеже сокрушу царство твое до конца“ (450).

В ответ на предложение султана прислать ему „дани“ и „оброк“, царь иронически заявляет: „впервые бы послал к тебе малого слугу и воеводу своего, а дал бы к тебе везти от своего царския силы острый

¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, М., 1869, стр. 228.

² А. Попов. Обзор хронографов..., стр. 229.